

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ
ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
НАУКАМ

Культурология

дайджест

2 (49)
2009

МОСКВА
2009

Журнал «Культурология»

Ирина Галинская

**Культурология:
Дайджест №2 / 2009**

«Агентство научных изданий»

2009

УДК 168.522
ББК 71.0

Галинская И. Л.

Культурология: Дайджест №2 / 2009 / И. Л. Галинская —
«Агентство научных изданий», 2009 — (Журнал «Культурология»)

Содержание издания определяют разнообразные материалы по культурологии.

УДК 168.522
ББК 71.0

© Галинская И. Л., 2009
© Агентство научных изданий, 2009

Содержание

Теория культуры	5
Психология и культура	5
Живучесть мифа ²	7
Философия культуры	9
Писатели-экзистенциалисты США	9
Природа сновидений (Эпистемологический аспект) ³	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Культурология Дайджест 2009 № 2 (49)

Теория культуры

Психология и культура

И.Л. Галинская

В психологическом исследовании выделяют ряд подходов к изучению динамики культурного пространства личности.

1. Онтогенетический подход опирается на теорию Л.С. Выготского, который доказывал, что культурное пространство личности изменяется в ходе ее индивидуального развития в процессе социализации.

2. Этнокультурный подход основывается на этнопсихологических или антропологических исследованиях и опирается на изучение общих культурных различий народов.

3. Филогенетический подход рассматривает развитие человеческого общества в историческом процессе (3, с. 43).

Исходя из различных теоретико-методологических оснований, исследователи пытаются моделировать «культуру» как сложный объект историко-антропологического и психологического исследования.

Л.Ф. Баянова отмечает три этапа рефлексии культуры в ее взаимодействии с человеком в истории отечественной психологии. Первый этап от конца XIX в. и до начала XX в. характеризуется тем, что объяснения культуры в рамках психологии выполнялись в философском ключе (Г.Г. Шпет, С.Л. Франк, Л.М. Лопатин, Г.И. Челпанов). Этот этап продолжался до конца 20-х годов XX в.

Второй этап связан с именем Л.С. Выготского и его продолжателей. Культурно-историческая концепция была построена Выготским «на постулате культурной опосредованности психики» (1, с. 10). Согласно Выготскому, поведение человека регулируется знаками культуры. Понятие «знак» рассматривалось как посредник между человеком и культурой. Так, например, указательный жест ребенка превращается в орудие социального взаимодействия, когда ребенок просит взрослого, указывая на желаемый предмет. М.Г. Ярошевский в статье о Выготском и его школе¹ пишет, что понятие о знаке «служит могучим средством превращения психики из природной (биологической) в культурную (историческую)» (цит. по: 1, с. 11).

Исходя из учения Л.С. Выготского о знаковой природе культуры, «можно увидеть категориальный ряд, позволяющий выделить онтогенетический (собственно психологический) аспект понимания культуры: культура – норма – знак – символ – переживание – значение – смысл – человек» (1, с. 12).

Третий этап связан с работами последних десятилетий прошлого века и начала XXI века, которые посвящены субкультурным исследованиям в этнической, социальной и гендерной психологии. Этот этап работ, которые интерпретируют сложное многообразие взаимодействия человека и культуры, связан с изучением так называемой *контекстной* оценки культуры. При этом подходе культура «выступает в качестве некоторого дескриптора, используемого для

---

¹ Ярошевский М.Г. Когда Выготский и его школа появились в психологии // Ярошевский М.Г. Вопросы психологии. – М., 1996. – № 5. – С. 110–122.

характеристики людей» (1, с. 13). Этот третий этап исследования культуры в отечественной психологии лишь начинается, так что о его результатах пока говорить не приходится.

Изучение иностранного языка может быть представлено как одна из форм развития личностной рефлексии и психологической культуры личности. Иностранный язык выступает как средство познания духовной картины мира, т.е. приобщения к ценностям, созданным другими народами. «Овладение иностранным языком – это процесс интеллектуального и духовного обогащения, расширяющий границы видения мира, так как языковые факты тесно связаны с культурой общества, общественным сознанием и мышлением. Степень владения языком и речевое поведение человека являются одним из важнейших показателей его психологической культуры», – полагает А.В. Корнеева (2, с. 158).

Список литературы

1. *Баянова Л.Ф.* Этапы рефлексии культуры в отечественной психологии XX века // Социокультурные проблемы современной молодежи. – Новосибирск, 2007. – С. 9–13.
2. *Корнеева А.В.* Иноязычное пространство как фактор развития психологической культуры личности // Там же. – С. 158–160.
3. *Шмакова А.Д.* Культура как объект психологического исследования // Там же. – С. 42–43.

Живучесть мифа²

Эрих Калер

Эрих Калер (1885–1970) – немецкий историк, философ, социолог, искусствовед. В первое на русском языке издание Калера вошли его книги «Смысл истории» (1964) и «Выход из лабиринта» (1967). Реферируемая статья, включенная в сборник «Выход из лабиринта», была написана в 1946 г., но проблемы, которые ставит автор, актуальны и сегодня.

В греческом понятии мифа, пишет автор, можно обнаружить все основные свойства и увидеть все преобразования, которые он претерпел до наших дней. «Вот основные черты мифа: он обращается к основам нашего бытия; он не объясняет, а лишь повествует; он питается от анонимного источника или от источника, ставшего анонимным; его утверждения бесспорны, окружены аурой святости и поклонения; он дышит очарованием непостижимого» (с. 169).

Мифизация, отмечает автор, порождается не только человеческой инерцией, не только постоянной «регенерацией жажды мифа», но и боязнью изменений, потребностью человека не допустить, чтобы что-то своим вторжением нарушило размеренный уклад его жизни. В глубокой древности жизненный уклад был завещан Богом; люди искренне полагали, что Его всемогущество и власть распространяются на все бесчисленное множество укладов, благодаря чему страх перед непостижимым утрачивал масштаб и остроту. Миф был одним из средств связи с Богом, сближения и добрых отношений с Ним, установления надежного контакта между человеком и Богом.

Прошли века, и космос, и человек, и его институты лишились божественности. Космос открыт для бесконечных исследований, а в своей истории человек переживает перемены, изменения образа жизни. Он сделал разум, его суждения и выводы тем прочным фундаментом, на котором он может спокойно заниматься повседневными делами. Чтобы не напрягать свои мозги, человек хочет придать рассудку стабильность, поставить его вне сомнения; и это он неосознанно делает путем мифизации разума. Таким образом, мифизация теряет свою коннотацию; она уже не обретает формы образов или идов, но превращается в чистую функцию.

Страх человека перед коренными изменениями и перед отвергаемой ими пропастью, страх человека перед собой и своими внутренними глубинами, в которые он предпочитает не вторгаться, используются силами, кровно заинтересованными в сохранении статус-кво и выступающими против любой радикальной реформы. Поэтому эти «консервативные» силы нарочито культивируют общую тенденцию мифизации основ государства и традиционного образа жизни и даже блокируют, где только можно, самую дискуссию о них. Неважно, насколько рациональны первоосновы, – теперь нерушимые и священные, они и все более иррациональные.

Фашистские движения просто пошли напролом и сфабриковали собственные мифы ради достижения своих целей: вдохновенный фюрер, иерархия, чистая раса и т.д. И даже излагая эту мифологию современным научным языком, они не скрывали ее иррациональности, на основе которой развязали кампанию против разума. С помощью этих хитрых мифов и их неприкосновенности, нарушение которой каралось законом, нацистам удалось подорвать нравственные устои нашей цивилизации – устои, которые в свою очередь покоились на принципах, уже давно ставших мифическими. В этом нацисты оказали нам услугу: то, что казалось лишь желаемым, они сделали необходимым; теперь мы вынуждены перекроить принципы нашей цивилизации, подвергнуть их испытанию знаниями нынешнего времени и заставить их действовать.

---

² <https://c2n.me/3XJBbQm>

Фашизм обнажил самую низменную потребность человеческой души, которую отказывался признать век Рационализма. Желание прочной, не требующей участия разума основы существования невозможно искоренить. Отрицая эту человеческую слабость, полагая, что она преодолена или преодолима или что она – пережиток древнего суеверия, мы не видим тающейся в ней опасности, которая обнаруживается, если признать и учесть эту слабость. И действительно, ныне такое желание оправданно как никогда. Не только индивидуум чувствует себя беспомощно запутавшимся в хаотической сумятице повседневности, которую он не в состоянии распутать с помощью разума, но и на самых передовых рубежах человеческого знания создалась ситуация, при которой «экстремальное расширение силы человека» в то же время заставляет его заново осознать свое вековечное бессилие перед тайнами космоса. Пределы нашего разума становятся все очевиднее, и сами естественные науки умалют рационалистическую самоуверенность в возможности безграничного покорения человеком природы. В новейших выдающихся достижениях физика оказалась на рубежах, которые, похоже, не поддаются рациональному постижению. Наука вторглась в глубины реальности, где явления уже невозможно описать, но можно только схематизировать, т.е. символизировать. Она так углубилась в сокровенную структуру элементов, что открыла способы их преобразования и, таким образом, стала узнавать сами элементы лишь особыми устройствами, связями общих энергий. Наука не только явила всеобщее превращение материи, но и материю *как* превращение, и даже воспроизвела это превращение и сделала его орудием человека.

Физика на новом уровне сплавляет внутренний и внешний миры воедино, постулирует на эпистемологической основе единство, которое признавалось как данность на древних этапах истории религии. Между наблюдателем и объектом наблюдения существует тесное взаимодействие: они влияют друг на друга и изменяют друг друга. Научные открытия, полностью превращая объект в комплекс отношений, увеличили физиков еще дальше от мира чувственных восприятий в мир абстрактных понятий, которые можно выразить только математическими символами и верифицировать косвенным путем. Исследование идет через понятийные действия; и оперирующий ум, признанный фактором, обуславливающим то, что он формулирует, должен находиться внутри, а не вне явления. Любопытно, что при этом физика, начиная с внешнего мира, перекликается с теорией психоанализа, который, начиная с внутреннего мира, достигает слияния внешнего и внутреннего миров, рассматривая реакции, направленные вовне, как проекции внутренних состояний. Физика, при всем ее триумфе, пробуждает в человеке первобытный ужас перед лицом непостижимого, которое вновь возникает на периферии внешнего мира; психоанализ вскрывает скрытый страх человека перед своими глубинами. Но физика и психоанализ свидетельствуют о том, что эти тревоги – функции друг друга, что они – один и тот же страх перед неизвестным, которое и есть подлинный источник мифа.

Есть уровень явлений, который оказывается все более неподдающимся осмыслению в рациональном исследовании. Рациональный контроль нашего мира возможен только в ограниченных пределах и действителен лишь в ограниченные периоды. Ничто нельзя признать конечным – конечное превращается в миф. Надо все время быть начеку, чтобы исследовать и пересматривать основы нашей жизни и не уклоняться от перестройки наших систем, когда эти основы сдвигаются. Надо приучать себя к жизни на этой зыбкой основе, которая уже давно стала основой развития науки.

С.А. Гудимова

Философия культуры

Писатели-экзистенциалисты США

И.Л. Галинская

Норман Мейлер (1923–2007) неоднократно и с редкой для художника его ранга открытостью признавался в том, что по своим взглядам на жизнь и задачи человека он – экзистенциалист и что «философия существования» является единственной мировоззренческой базой всех его произведений: художественных, документальных, публицистических.

Приверженность писателя к экзистенциализму обосновывается не только его собственными признаниями, но и его творчеством, а в частности тем, что одна из его книг носит название «Экзистенциалистские поиски». И в первом шумевшем романе Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» (1948), и в книге «Песнь палача» (1979), написанной в жанре художественной документалистики, разрабатываются, в сущности, одни и те же положения: утверждение, что бытие не поддается рациональному познанию; изображение страха как «прапереживания», лежащего в основе экзистенции; описание так называемых «пограничных ситуаций» (т.е. состояния страдания, борьбы и смерти как основы и сути человеческого существования). Кроме всего этого, Мейлеру свойственно иррационалистическое понимание свободы как внутреннего состояния индивида и поиск личной свободы в глубинах собственного «я».

Проповедуя субъективно-идеалистический взгляд на мир, куда человек «брошен» помимо своей воли, Норман Мейлер ставил во всех своих произведениях типичные для «философии существования» проблемы «свободы выбора», «отчуждения», «преступления без наказания», «войны между бытием и небытием», «борьбы без надежды на успех». Так, например, в отчужденном свете изображены все персонажи романа «Нагие и мертвые». Воюя на Тихом океане во время Второй мировой войны, американские офицеры и солдаты, показывает Мейлер, находятся в «пограничной ситуации» – все они стоят на пороге ожидания смерти.

В сборнике «Самореклама» (1959), объединяющем ранние рассказы Мейлера, отрывки из его романов, статьи, эссе, интервью и т.д., выражено индивидуалистическое кредо послевоенного «экзистенциального сознания» американской молодежи.

В сборнике «Президентские записки» (1964) содержатся, по словам Мейлера, «экзистенциальные послания»: экзистенциальное законодательство, экзистенциальный герой, экзистенциальная героиня, экзистенциальная этика, экзистенциальное понимание природы реальности, экзистенциальная политика.

Герой романа Мейлера «Американская мечта» (1965) также предстает перед читателем как экзистенциалист, который все время ощущает «присутствие бездны» и «перцепцию смерти». Норман Мейлер наделяет своего героя чувством «тошноты» (термин Ж.-П. Сартра), которую вызывает таинственность влияющих на его судьбу сил природы. Герой «Американской мечты» профессор психологии Стивен Роджек избирает для себя экзистенциальную ситуацию «преступления без наказания». Он убивает жену, устроив все так, будто она покончила жизнь самоубийством, т.е. он выбросил ее тело в окно под колеса автомашин. Впрочем, следователь быстро установил истину. Словом, психопаты у Мейлера «представляют собой здравомыслие в безумном мире» (2, с. 292).

В романе «Почему мы во Вьетнаме?» (1967) показан сложный и противоестественный опыт юноши, приобретенный им во время охотничьей поездки на Аляску, опыт, который характеризуется писателем следующим образом: «Если суть вещей безумна, то она безумна неистово». Непристойный лексикон героя романа также призван, по замыслу автора, отразить

безысходность жизненной ситуации, а «сочетание секса и физического насилия становится единственным способом доказать независимость личности от общества» (2, с. 292).

Книга «Экзистенциалистские поиски» (1972) показывает, что философская основа мировоззрения Нормана Мейлера со времен романа «Нагие и мертвые» изменений не претерпела, ибо ею по-прежнему остается экзистенциализм, причем писатель неизменно стремится быть в центре политических и общественных событий современности.

По сравнению же с предыдущими работами Мейлера в публицистическом жанре «Экзистенциалистские поиски» интересны тем, что здесь уже сказались результаты художественно-эстетических находок писателя в сфере документально-публицистической прозы.

Критическое отношение Мейлера ко многим аспектам американской действительности проявляется в «Экзистенциалистских поисках» и в открытом письме президенту Никсону, и в статье о работе ФБР, и в статьях, которые исследуют проблемы городов и негритянский вопрос. С этими произведениями соседствуют эссе о боксе и о бое быков, заметки о театре и кино, перевод поэмы расстрелянного фашистами испанского поэта Федерико Гарсии Лорки (1898–1936) «Плач по Игнасио Санчесу Мехиасу» (1935), одноактная пьеса на сюжет романа «Почему мы во Вьетнаме?» Но является ли книга «Экзистенциалистские поиски» механической смесью публицистики, журналистики, поэзии, драматургии? Отнюдь нет.

«Экзистенциалистские поиски» представляют собой некое публицистическо-художественное единство. Если состав предыдущих публицистических произведений Мейлера оставлял ощущение некоторой искусственности (в «Саморекламе» автор дал два оглавления: по порядку публикации и по жанрам), то уже в «Экзистенциалистских поисках» этот недостаток изжит совершенно. Перед нами цельное произведение нового жанра – политико-культурно-литературно-публицистической прозы, в которой, как в зеркале, отражен целый период общественно-политической жизни США.

Публицистическая проза Мейлера в «Экзистенциалистских поисках» представляет собой и определенное эстетическое единство. Книга состоит из трех частей: «Ключи к эстетике арены», «Намеки на эстетику кабинета», «Штрихи к эстетике улицы». Каждая из этих частей содержит ряд публицистическо-художественных компонентов. В предисловии Мейлер делает попытку «оправдания» жанра, в котором он работает, когда пишет, что все компоненты книги органически взаимосвязаны, тематически переплетаются и эстетически взаимодополняют друг друга.

Экзистенциалистская направленность книги также декларируется Норманом Мейлером уже в предисловии. «Неудивительно, – пишет он, – что это смесь написанного мною на экзистенциалистские темы. Ибо в нашем мире жестов, ролей, костюмов, предположений и заимствованных манер <...> нет выхода, <...> кроме того экзистенциалистского момента, <...> когда притворство вянет от свежего воздуха» (3, с. XI).

Темой «невдуманного» романа «Песнь палача» Норман Мейлер избрал подлинный трагический случай, который вновь открывал перед писателем возможность экзистенциалистского подхода к художественной документалистике: убийство психически неуравновешенным уголовником двух американцев и последующее требование убийцы, чтобы вынесенный ему смертный приговор был приведен в исполнение как можно скорее.

Итак, Норман Мейлер – писатель-экзистенциалист, он стоял на позициях «философии существования» на всем протяжении своей творческой жизни. И даже те исследователи и литературоведы, которые критически относятся к произведениям Мейлера, постоянно пишут о философском восприятии писателем окружающего мира. Так, профессор Миннесотского университета Роберт Солотарофф в книге «По пути Мейлера вниз» (4), вышедшей в 1974 г., отмечает, что Мейлер в своем творчестве последовательно отдавал дань различным вариантам экзистенциализма, причем весь этот эволюционный процесс сводился к отходу писателя от «бессознательного примитивизма» и к восприятию «примитивизма сознательного» (4, с. 42).

Исповедуя лозунг «борьбы без надежды на успех», Норман Мейлер участвовал в борьбе и постигал то, чего никогда бы не увидел, если бы стоял в стороне. Ведь ему чужда замкнутость в «башне из слоновой кости», ему нужна живая жизнь, личное участие в ней, активное вмешательство в неё словом и делом. Вот почему Норман Мейлер был склонен выставлять на всеобщее обозрение не только итоги своих размышлений, но даже лабораторию писательской мысли, ее процесс.

В культурную жизнь США экзистенциализм серьезно проник вскоре после Второй мировой войны. Американский теолог Пауль Тиллих (1886–1965) так охарактеризовал роль экзистенциализма в американской мысли: «Теперь в нашей стране широко известно, что возник экзистенциализм в интеллектуальной жизни Запада в XVII в. с Паскаля, подпольно развивался в XVIII в. и одержал поразительную победу в XX в. Экзистенциализм стал стилем нашего времени во всех областях жизни. Даже приверженцы аналитических философских течений воздают ему должное. Они ограничиваются разрешением формальных проблем, предоставляя экзистенциализму в искусстве и литературе решать проблемы реальные» (цит. по: 2, с. 23–24).

Помимо работ Нормана Мейлера, экзистенциалистскими мотивами проникнуты произведения таких популярных американских писателей, как Уильям Стайрон, Дж. Д. Сэлинджер, Эдвард Олби, Джон Апдайк, Артур Миллер, Сол Беллоу, Джеймс Болдуин. Эти писатели, по определению отечественного литературоведа Александра Аникста, составляют «сливки литературы США, то, в чем действительно отражается духовная жизнь народа» (2, с. 15).

Повести Уильяма Стайрона «Сникаю во мгле» («Lie Down in Darkness», 1951) и «Долгий марш» («The Long March», 1952) посвящены описанию известного человеческого состояния, называемого «экзистенциалистским затруднением», т.е. отчуждения в семейных и общественных отношениях. Роман Стайрона «Подожги этот дом» («Set this House on Fire», 1960) – это психологический рассказ об убийстве. Книга предлагает лишь один выход, пишет американский критик Сидни Финкелстайн (1900–1974): «Для того, чтобы сохранить себя, свою индивидуальность хотя бы в частичной неприкосновенности, следует уйти в личную жизнь, по возможности ограждая ее от вмешательства жизни общественной. Поскольку мир – это джунгли, личность освобождается от него актом насилия, диктуемым законом джунглей» (2, с. 236).

Считается, что одним из первых американских писателей испытал влияние экзистенциализма Джером Дэвид Сэлинджер в романе «Над пропастью во ржи» («The Catcher in the Rye», 1951). Дело в том, что вариантом четырех глав «Над пропастью во ржи» был рассказ Сэлинджера «Слабый бунт неподалеку от Мэдисон-авеню», опубликованный журналом «Нью-Йоркер» в 1946 г. Но журнал приобрел рассказ еще в 1941 г., а печатание его было отложено в связи со вступлением США во Вторую мировую войну. Философской основой романа «Над пропастью во ржи» является экзистенциализм, ибо в образе его героя, 16-летнего подростка Холдена Колфилда, изображена ясная картина психологического отчуждения, пролегла между двумя поколениями – детьми и родителями. И если в начале своего творческого пути Дж.Д. Сэлинджер твердо стоял на позициях экзистенциализма, то в повестях о Гласах («Выше стропила, плотники», «Френни», «Зуи», «Симор. Знакомство») он уже говорит о поисках иных духовных ценностей. В известной мере отойдя от экзистенциализма, Сэлинджер начинает искать доказательства того, что в жизни больше счастья, чем бедствий. Нравственная проповедь этих книг утверждает, что «бог есть любовь». Однако Сидни Финкелстайн считает, что подобное «решение» вопроса об отчуждении тесно переплетается с экзистенциализмом (2, с. 245).

В пьесе Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?» («Who's afraid of Virginia Woolf?», 1962) нарисована жестокая картина отчуждения в семейной жизни. «Истина, которая раскрывается зрителю или читателю, заключается в том, однако, что не жизнь вообще абсурдна и бессмысленна, а что есть люди, чья жизнь, отчужденная от них самих, стала пустой и бессмысленной» (2, с. 253). В пьесе «Крошка Алиса» («Tiny Alice», 1965) Эдвард Олби преподносит религиозное учение в экзистенциалистском, антиатеистическом плане вполне в духе

датского ученого Сёрена Кьеркегора (1813–1855), который считал, что «людям угрожает не наказание в загробной жизни, а безнадежность, отравляющая земную жизнь» (2, с. 41).

В романах Джона Апдайка «Беги, Кролик» («Rabbit, Run» 1960) и «Кентавр» («The Centaur», 1963) все события изображены сквозь призму отчуждения. В романе «Беги, Кролик» даже природа предстает в отчужденном виде, а в романе «Кентавр» есть элементы гуманизма, но они «лишь усиливают господствующий подтекст отчуждения» (2, с. 263). Суровость и унылость жизни объявляются в романе «Кентавр» универсальными, а также подчеркивается, что современный мир «ни на шаг не ушел вперед от примитивных мифических страстей древних времен, но лишь деградировал и очерствел» (2, с. 264).

Пьесы Артура Миллера трактуют в экзистенциалистском плане об «абсурдном мире, живя в котором следует отказаться от веры в человеческий прогресс. Единственный возможный выход – это частные решения личных конфликтов», – полагает С. Финкелстайн (2, с. 270).

В пьесе Миллера «Все мои сыновья» («All my sons», 1947) изображен распад семьи владельца маленького заводика Джо Келлера, который поставлял армии во время войны негодные запасные части для самолетов. Узнав о махинациях отца, один его сын, летчик, сознательно пошел на смерть, а другой отказался от отца. Когда младший сын от него отрекся, Джо Келлер кончает жизнь самоубийством.

Трагедия Артура Миллера «Смерть коммивояжера» («Death of a Salesman», 1949) получила Пулитцеровскую премию. В ней показан процесс отчуждения между старым коммивояжером Вилли Ломэном и его старшим сыном Биффом, который разочаровался в отце, в его профессии и стал вором. Отец намеренно разбивает свою машину и погибает в надежде на то, что, получив его страховку в 20 тысяч долларов, сын станет вспоминать об отце с любовью.

В пьесе Миллера «Суровое испытание» («The Crucible», 1953) речь идет о так называемой «охоте на ведьм» в XVII в., т.е. о судилище над ведьмами в городке Сейлем (Salem) штата Массачусетс в 1690 г. Герой пьесы Джон Проктор готов подписать признание в том, что продал душу дьяволу, но назвать других «помощников сатаны» отказывается, и его казнят. Миллер сравнивает этот «процесс» с активной работой Комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности и сенатора Маккарти.

Драма «После грехопадения» («After the Fall», 1964) представляет собой экзистенциалистский психоанализ, в котором Артур Миллер мастерски использовал прием «потока сознания». Самоубийства наличествуют и в этой пьесе: один из героев, которого Комиссия конгресса обвиняет в социалистических убеждениях, бросается под поезд метро. Уходит из жизни и вторая жена центрального героя пьесы, адвоката Квентина. Она, как и знаменитая киноактриса Мэрилин Монро, принимает смертельную дозу снотворного. Поскольку Мэрилин Монро была второй женой Артура Миллера, литературоведы и критики склонны считать драму «После грехопадения» экзистенциалистской озабоченностью самого драматурга.

Сол Беллоу в «пикареском» романе «Приключения Оджи Марча» («The Adventures of Augie March», 1953) и в романе «Хендерсон, Король Дождя» («Henderson the Rain King», 1959) показывает разочарование своих героев в действительности, экзистенциалистское отчуждение от общества. Оджи Марч как международный маклер совершает незаконные сделки, а Хендерсон с отвращением относится к западной цивилизации и ищет смысл жизни в ритуальном священнодействии мифического африканского племени. Сол Беллоу пишет в самом начале романа «Хендерсон, Король Дождя»: «Думать, что в безумный век безумие тебя не коснется, есть форма безумия. Но поиски здравого смысла тоже могут стать формой безумия» (цит. по: 2, с. 281).

В романе «Герцог» («Herzog», 1964) Сол Беллоу сосредоточился на показе внутренней жизни героя, профессора литературы, изучающего историю романтизма. Герцог пишет письма друзьям и врагам, писателям и философам, живым и мертвым, спрашивая у них, что такое жизнь, счастье и смерть. Эти письма помогают ему «найти собственное решение в духе

туманно-религиозного экзистенциализма» (2, с. 282). В пьесе «Последний анализ» («The Last Analysis», 1964) Беллоу рассказывает о самоанализе, наполовину экзистенциалистском, наполовину фрейдистском, которому подвергает себя телевизионный актер.

Негритянский писатель Джеймс Болдуин в романе «В иной стране» («Another Country», 1962) пишет о внутреннем одиночестве джазового музыканта, который ненавидит мир белых людей и в конце концов бросается с моста в реку. В романе говорится об отношениях между черными и белыми. Роман «В иной стране» является ярким примером экзистенциалистского подхода к действительности, поскольку отчуждение в нем становится законом жизни: «Человек не может познать своего ближнего» (2, с. 301).

Как видим, писатели-экзистенциалисты США создали значительные литературные произведения, и Норман Мейлер, как и его современники, видит личную свободу человека в индивидуальном бунте против всяких условностей. «Но быть свободным, быть личностью, заявляют экзистенциалисты, гораздо труднее, чем уйти в мир “обыденности”, где не надо ничего решать самому и ни за что не надо отвечать перед самим собой. И человек не выносит своей свободы и ответственности, он старается избавиться от них бегством в повседневность, в обыденность <...>. Как же вырваться человеку из сферы обыденности и обратиться к самому себе? Для этого, согласно экзистенциализму, существует единственное средство: решиться смотреть в лицо смерти – тому крайнему пределу, который поставлен всякому человеческому существованию» (1, с. 14).

Список литературы

1. Гайденко П.П. Экзистенциализм и проблема культуры. – М., 1963. – 211 с.
2. Финкелстайн С. Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе. – М., 1967. – 320 с.
3. Mailer N. Existential errands. – Boston; Toronto, 1972. – XV, 365 p.
4. Solotaroff R. Down Mailer's way. – Urbana; Chicago; L., 1974. – X, 289 p.

Природа сновидений (Эпистемологический аспект)³

И.А. Бескова

В книге И.А. Бесковой проблема сновидений рассматривается в философско-историческом аспекте, анализируется то отношение к сновидениям, которое было характерным для различных исторических эпох, включая и традиционные примитивные культуры. Особое внимание уделяется техническим характеристикам сна и сновидения, полученным в результате новых исследовательских программ в нейрофизиологии, медицине и психологии. В итоге сновидение предстает как форма отношений между человеком и глубинной реальностью. Книга состоит из семи глав, первая из которых посвящена историческим аспектам отношения к сновидениям от самых ранних представлений о природе сновидений (Древний Египет, Древняя Греция, Ближний Восток, Древняя Япония, исламская культура) до исследований феномена сновидения, характерного для традиционных сообществ. Дается анализ истоков современных представлений о природе сновидений (труды Фрейда, Юнга, Адлера, Фромма).

Во второй главе современные представления о природе сновидений излагаются более детально, начиная с рассмотрения технических характеристик сна (электроэнцефалографическая картина сновидения, отличие детского сна от сна взрослых). Особое внимание уделяется отрицательным явлениям, происходящим с человеческим мозгом в результате лишения сна, свидетельствующим о том, насколько драматические последствия имеет лишение сна для психики человека. Это соответствует концепции Монтегю Ульмана, разработавшего так называемую «гипотезу бдительности» для понимания природы сновидения. С точки зрения Ульмана, цель сновидения – не столько сохранение сна, сколько согласие с физиологией, так как электроэнцефалографическая картина сна напоминает функционирование мозга в состоянии бодрствования. Хотя по концепции Ульмана сновидения имеют биологические, психологические и культурные источники, основная цель сновидения – это решение текущих проблем, что подтверждается его творческим потенциалом. Особенно высока роль сновидений в плане научных открытий. Достаточно вспомнить открытие Фридрихом Кекуле во сне формулы молекулярного строения бензола, принесшего ему Нобелевскую премию. Нобелевская премия Отто Леви за эксперименты, подтверждающие возможность передачи нервных импульсов химическим путем, также была связана с открытием, сделанным в результате сновидения. Дмитрию Менделееву во сне приснилась периодическая система химических элементов; антрополог Герман Хилп्रेхт во сне дешифровал вавилонскую клинопись. Бетховен и Вагнер признавались, что во сне слышали звуки будущих произведений. Неудивительно, что многие писатели, художники и композиторы в своей работе намеренно используют сюжеты и образы снов.

Методологическим аспектам анализа феномена сновидения посвящена третья глава книги И.А. Бесковой, где такие понятия, как «сознание», «подсознательное» и «бессознательное», анализируются не только в психологическом, но и в философском ракурсе. В четвертой главе рассматриваются системы репрезентации и кодирования информации в сновидениях, «просмотр» которых лишь на первый взгляд является отдыхом и восстановлением, а по сути – это процесс неконтролируемой (за исключением чрезвычайно редких случаев осознанного сновидения) встречи с миром своего бессознательного. Поэтому наряду с генеративной обусловленностью телесных состояний и сновидческих образов существует и обратная зависимость: телесных и психоэмоциональных состояний от сновидческих образов. В пятой главе книги ставится один из ключевых для проблемы сновидения вопросов о связи сновидения и объективной реальности, анализируются наблюдения исследователей феномена сновидения

---

³ Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический аспект). – М., 2005. – 238 с.

дений, отмечавших, что сны людей древних культур отличались не только внешними особенностями, но и отношением данной культуры к феномену сновидений, а также символикой и такой составляющей сновидческого опыта, которая сейчас, в современной культуре, практически не представлена. В частности, в книге замечательного исследователя иррационального начала в греческой традиции Е.Р. Доддса («Греки и иррациональное». – М.; СПб., 2000. – 318 с.), отмечено что в современной культуре живое переживание религиозного опыта в сновидении практически не представлено, тогда как в древности подобного рода переживания были довольно распространены и не вызывали удивления в обществе. Иными словами, для современной культуры, по сравнению с прошлым, не характерен этот компонент живой, непосредственной веры в актуальное присутствие архетипической фигуры.

Шестая глава книги И.А. Бесковой касается наиболее фундаментального вопроса, а именно общей теории сновидений: 1) состояния сознания во сне и в бодрствовании, 2) индивидуальной объективной реальности, 3) глубинной, индивидуальной и сновидной реальностей, а также вопроса о том, 4) почему разные концепции сновидений верны. Речь идет о психоанализе и юнгианской психологии, гештальтпсихологии и глубинной психологии и т.д. Как бы они ни различались, они не исключают друг друга, поскольку фокусируют свое внимание на том уровне процессов, который по тем или иным причинам актуален, особо значим именно для их носителей. Если одна концепция может довольно полно охватывать избранный ею для анализа уровень процессов, то это не исключает того, что другая традиция также может довольно полно описывать тот же уровень феноменов своими средствами и в своей категориальной сетке.

Глава седьмая называется «Мнимости в сновидении» и рассматривает: 1) парадоксы времени в сновидении, 2) понятие мнимого времени, 3) интуиции и фантазии. Сознание, управляющее поведением человека на уровне объективной реальности, требует ощущения сохранения контроля над происходящим, поэтому все, что находится за пределами «переваривания» сознания, маргинализируется, а на место непонятого и потому удаленного, вытесненного помещается хотя и ложное, но валидное в системе координат сознания. Таким образом, автор приходит к выводу, что сновидение – одна из форм подачи бессознательного материала сознанию, а то, какое именно содержание бессознательного активизируется и окажется представленным в сновидении, в значительной мере определяется интервенциями среды, т.е. в большей степени содержание нашей ночной жизни определяется (в этом автор согласен с выводами психологической науки) содержанием дневной.

В заключение И.А. Бескова приходит к следующим выводам. Поскольку, сталкиваясь с реальным миром, человек получает возможность соприкоснуться с внутренним миром себя подлинного, а не такого, каким видит себя его «я», то в этом механизме самопонимания сновидение, безусловно, имеет приоритет по сравнению с бодрственной жизнью сновидца, ибо если спектр вариантов, разворачивающихся в объективной реальности, по многим параметрам ограничен, то в сновидении, где лишнее управления «эго» не в состоянии скорректировать разворачивающийся сюжет, возможно все. Конкретика образов сновидения может быть ситуативно обусловленной, личностно обусловленной, социально и культурно обусловленной, а также обусловленной исторически. Конкретный символ, появляющийся во сне конкретного человека, – результат компромисса между стремлением сделать явной для себя самого ту картину мира, которая существует и функционирует в его внутреннем мире, обуславливая варианты жизненных ситуаций, с которыми субъект сталкивается наяву. Смысл и эволюционную роль сновидения И.А. Бескова усматривает в том, чтобы увеличить степень осознанности и интегрированности личности, способствуя личностному росту человека. Сновидение решает эту задачу, потому что представляет более подлинную и адекватную картину внутреннего «я» человека, являясь более точным и тонким инструментом отображения параметров его внутреннего мира, чем бодрствующее «эго».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.